

А.Н. Николюкин

АМЕРИКАНСКИЙ ДОН КИХОТ

Аннотация

Сервантес и его Дон Кихот были глубоко восприняты американским романтизмом. Однако наибольшее воплощение образ сервантесовского героя получил в Уильяме Фолкнере как писателе и человеке.

Ключевые слова: литература США, романтизм, Сервантес, У. Фолкнер.

Nikolyukin A.N. American Don Quixote

Summary. American literature, especially Romantic writers perceived Cervantes and his Don Quixote. William Faulkner as writer and man admired Don Quixote.

В каждой великой литературе был свой Дон Кихот. В Англии – это Байрон, отправившийся сражаться за свободу Греции. В Германии – благородный Шиллер, певец разбойников «Бури и натиска». Д. Писарев назвал свою статью о славянофиле Иване Киреевском «Русский Дон Кихот». В России помимо истинного Дон Кихота – Достоевского, страдавшего за слезу ребенка, была еще и карикатурная версия – Маяковский, сражавшийся с ветряными мельницами прошлого (ну что ему сделали встреченные во время походов «шесть монахинь», которых так невзлюбил поэт!).

Самым старым Дон Кихотом был, очевидно, Франсуа Вийон. Не берусь утверждать, что Дон Кихота не было в античности. Должен был быть! Просто такой характер – присущ человеку, который, как говорил Тургенев в речи «Гамлет и Дон Кихот», «живет для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам»¹.

В американской литературе среди «нового общества» XX столетия совершеннейшим Дон Кихотом мне представляется Уильям Фолкнер, который сказал, что «видит Дон Кихота в себе». Конечно, он не был единственным. Вся литература со времен Войны за независимость Соединенных Штатов в конце XVIII в. пронизана идеями «донкихотства». Стоит лишь внимательней присмотреться. И образ Рыцаря печального образа выглядит со многих страниц американских книг. Сервантесовские реминисценции в литературе США уже отчасти рассматривались мною полвека назад в сборнике статей «Сервантес и всемирная литература». Теперь возник новый взгляд, в центре которого – Уильям Фолкнер.

В период формирования американской национальной литературы в конце XVIII и первые десятилетия XIX в., помимо родственной ей по языку английской литературы, значительное воздействие оказали на нее две литературные тенденции – раблезианская и сервантесовская. Первая несла с собой интерес к гротеску и фантастическому преображению действительности. Вторая, имевшая более длительную историю в литературе США, использовалась обычно в целях социальной сатиры.

Особое значение наследия Сервантеса для американской литературы определяется тем, что оно с наибольшей глубиной было воспринято в эпоху расцвета романтической литературы США. Индивидуалистический протест романтиков оказался сродни стремлению к добру испанского Рыцаря печального образа. Именно так осмыслили проблематику книги Сервантеса романтики. Сервантесовский рыцарь и его оруженосец вошли в американскую литературу в один из самых острых периодов ее развития.

На фоне этих событий, потрясавших общественную жизнь США, обращение к сервантесовской традиции, и прежде всего к «Дон Кихоту», означало, вольно или невольно, желание сатирического переосмысления явлений американской жизни.

Так, уже в романе Хью Брекенриджа «Современное рыцарство», печатавшемся на протяжении двух десятков лет, с 1792 по 1815 г., дана сатирическая картина американского общества. Два главных героя книги – современные Дон Кихот и Санчо Панса – капитан Джон Фарраго и его слуга-ирландец Тиг О’Риган.

Приключения странствующего философа Фарраго и его неграмотного слуги дают пищу для размышлений о пороках, о злоупотреблениях и несправедливостях, допускаемых государственной властью. В речах капитана Фарраго нередко слышится взволнованный голос самого автора, прошедшего школу социально-политической борьбы в годы американской революции.

Книгу Брекенриджа долгое время считали завуалированной сатирой на демократию вообще. Ошибочность такого толкования была вскрыта В.Л. Паррингтоном, который первым дал исторически верную оценку демократизма Хью Брекенриджа: «Стойкий и убежденный демократ, он не был склонен закрывать глаза на неприглядные факты, подобно тем, кто боялся, что эти факты разрушат их веру. Когда Брекенридж рассматривал бурные события, происходившие в Америке в период трудного процесса ее демократизации, он видел зло не менее ясно, чем мелькавшую впереди надежду, и ему доставляло удовольствие подвергать это зло сатирическому осмеянию в манере “Дон Кихота”. “Современное рыцарство” оказалось чем-то вроде загадки для позднейших исследователей, не сумевших избавиться от старых предрассудков федералистской критики»².

Однако соотношение героев у Брекенриджа обратно сервантесовскому: слуга наделен чертами донкихотства, а его господин – здравым чувством и трезвостью суждений. Брекенридж, как затем Ирвинг в «Истории Нью-Йорка», высмеивал не только аристократов-федералистов, но и буржуазных демократов, обращаясь к Сервантесу как к образцу рыцарской справедливости. Поэтому идеалом капитана Фарраго, этого американского губернатора острова Баратарии, является просвещенное республиканское правительство, противостоящее как старой аристократии, так и новой «тирании толпы» – буржуазной демократии. Именно такое значение вкладывал писатель в понятие «современное рыцарство», стремясь переосмыслить сервантесовскую дилемму справедливости и общественного зла.

Роман Брекенриджа, родоначальника американского сатирического романа, – прямое подражание творческой манере Сервантеса. История проникновения «Дон Кихота» в Америку восходит к более ранним временам.

Хотя первый полный английский перевод «Дон Кихота» появился в год высадки первых поселенцев, прибывших на корабле «Мэйфлауэр» в Америку (1620), в XVII в. роман Сервантеса оставался неизвестен в Новом Свете. Только после перевода, сделанного в 1700 г. Питером Мотто, «Дон Кихота» начали повсеместно читать сначала в Англии, а затем и в английских колониях в Америке.

Через столетие в Массачусетсе появился роман Табиты Тенни «Женское донкихотство» (1801), продолжающий линию английских женских Дон Кихотов, популярных в XVIII в. («Женский Кихот» Шарлотты Леннокс, 1752).

Широкая известность романа Сервантеса в Америке наступает в годы американской революции. В 1766 г. в театре Филадельфии был поставлен «Дон Кихот в Англии» Фильдинга, а в 1780 г. первый национальный поэт Америки Филипп Френо включил в свою пьесу «Шпион» песенку «Английский Дон Кихот 1778 года», перепечатававшуюся затем в сборниках его стихов 1786 и 1809 гг. Это пародийная песня о верноподданном английском офицере, отправляющемся подавлять «американский мятеж». Книга Сервантеса полюбилась Френо еще во время учебы в Принстонском колледже, и не случайно имя Рыцаря печального образа встречается во многих стихах периода американской революции. Он использовал сервантесовский образ для острых политических пародий, направленных против американских лоялистов и их английских единомышленников.

Упоминания о Дон Кихоте, встречающиеся во многих стихотворениях и поэмах Френо 1770–1780-х годов, свидетельствуют, что роман Сервантеса был хорошо известен американскому читателю.

Охотно пользовался образностью «Дон Кихота» Томас Пейн. В своей книге «Права человека» (1791) он высмеивает утверждение Эдмунда Берка, что французская революция разрушила «век рыцарства» Дон Кихота. «Его богатое воображение, – пишет Пейн, – создало целый мир ветряных мельниц, и он скорбит, что нет Дон Кихота, который мог бы с ними сразиться»³.

Особой популярностью пользовался роман Сервантеса у романтиков. Купер и Лонгфелло, Готорн и Мелвилл, Эмерсон и Торо не прошли мимо наследия великого испанского писателя. Особенно

близки сервантесовские мотивы были молодому Вашингтону Ирвингу.

Хотя упоминания о Дон Кихоте встречаются уже в первом юмористическом произведении Ирвинга – очерках «Салмаганди» (1807), написанных совместно с Дж. Полдингом, подлинно художественное восприятие наследия Сервантеса видим мы в сатирической «Истории Нью-Йорка» Ирвинга, появившейся в 1809 г.

Ирвинг не пошел по пути Брекенриджа, по пути создания американской аналогии «Дон Кихота». В «Истории Нью-Йорка» он романтически поэтизировал американскую старину, когда Нью-Йорк был еще голландской колонией и назывался Новым Амстердамом.

В своей героикомической хронике о первоначальной истории Нью-Йорка Ирвинг пародирует рационалистические традиции классицизма. Семь книг «Истории», написанной от имени ученого историка Никербокера, изобилуют литературными параллелями и аналогиями. В целях травестирования Ирвинг обращается к гомеровскому и артуровскому циклам, к Греции и Риму, с которыми сопоставляется героикомическая история голландской колонии Новый Амстердам. Цитаты и намеки на Рабле, Сервантеса, Шекспира, Свифта, Фильдинга, Стерна Томаса Пейна и других писателей теснятся на протяжении всего цветистого повествования Никербокера. Эти многочисленные «источники» труда Никербокера воспринимаются как романтическая ирония, как пародирование псевдоученых трактатов его времени.

Ирвинг как бы реализует те «советы авторам», которые были высказаны бессмертным автором «Дон Кихота» в Прологе: «Авторы уснащают свои книги, хотя бы даже и светские, принадлежащие к повествовательному роду, изречениями Аристотеля, Платона и всего сонма философов, чем приводят в восторг читателей и благодаря чему эти самые авторы сходят за людей начитанных, образованных и красноречивых»⁴.

Один из главных героев книги – голландский губернатор Питер Твердоголовый – нарисован в донкихотовской манере. Героикомический рассказ о его славных победах над шведами (книга VI), кодекс семи рыцарских добродетелей, который он читал, наконец его оруженосец – трубач Антони Ван-Корлеар, – все это создает своеобразный американский колорит ирвинговского Дон Кихота

и убеждает нас, что если не Никербокер или достославный губернатор Питер Твердоголовый, то хотя бы Ирвинг был внимательным читателем библиотеки рыцарских романов Дон Кихота.

Пускаясь в одно из своих излюбленных философских отступлений (начало главы 5 в VI книге), Никербокер, уподобляясь в этом отношении Стерну, заводит с читателем задушевную беседу о вещах, не имеющих прямого отношения к рассказу, и сравнивает себя с Дон Кихотом, сражавшимся только с великими рыцарями, представляя мелочные дразги, грязные и кляузные ссоры «какому-нибудь будущему Санчо Пансе, преданному оруженосцу историка». Реминисценции романа Сервантеса – ветряные мельницы, сравниваемые с могучими великанами, кодекс Санчо Пансы, библиотека рыцарских романов Дон Кихота – постоянно возникают на страницах «Истории». Выезд Питера Твердоголового и его трубача Антони Ван-Корлеара на переговоры с советом Новой Англии нарисован в расчете на сервантесовские аллюзии: «Смотрите, как они величественно выезжают из ворот города, словно закованный в броню герой былых времен со своим верным оруженосцем, следующим за ним по пятам, а народ провожает их взглядами и выкрикивает бесчисленные прощальные пожелания, сопровождая их громкими ура». В каждом городе, через который проезжал Питер со своим оруженосцем, этот прославившийся своей педантичностью рыцарь приказывал храброму и верному Антони протрубить приветствие. А когда он видел старые одежды, которыми жители затыкали разбитые окна, и гирлянды сушеных яблок и персиков, украшавших фасады их домов, то принимал их, как новый Дон Кихот, за праздничное убранство в честь своего прибытия, «подобно тому как во времена рыцарства было в обычае приветствовать прославленных героев, вывешивая богатые ковры и пышные украшения».

Сервантес вызывал интерес Ирвинга и в последующие годы. В 1825 г. он собирался даже написать биографию великого испанского писателя.

К.Н. Державин в своей книге о Сервантесе приводит отрывок из «Писем об Испании» (1847–1848) В.П. Боткина, в котором рассказывается о популярности Дон Кихота среди испанских крестьян. «Простой народ даже верит действительному существованию Дон Кихота. “Слыхали ли вы о Дон Кихоте?” – спросил я

в одной деревне мужика. “Да, сеньор, он был манчего и очень храбрый кабальеро!” – “Давно ли он жил?” – “Давно: больше тысячи лет”»⁵.

Допуская возможность совпадений, даже того, что два путешественника по Испании могли беседовать с одним и тем же крестьянином, следует все же отметить, что рассказ Боткина является перефразировкой соответствующего места из очерка «Путешествие», открывающего сборник рассказов и очерков «Альгамбра» (1832) Вашингтона Ирвинга⁶.

Академик М.П. Алексеев в своих «Очерках истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв.» отмечает, что «Альгамбра» Ирвинга была не только хорошо известна Боткину, но у современников даже существовало ошибочное мнение, что «Письма об Испании» – свободный перевод книги Ирвинга⁷.

Интерес к Испании, ее истории и литературе, был характерен для многих американских писателей и историков эпохи романтизма – Ирвинга, Лонгфелло, историка Испании Вильяма Прескотта и Джорджа Тикнора, автора трехтомной «Истории испанской литературы» (1849; русский перевод Н.И. Стороженко, 1883–1891). В испанской тематике было нечто весьма притягательное для американских романтиков. В их глазах старая Испания была континентальным антиподом Англии, чем-то, возможно, напоминавшим им старую колониальную Америку, еще лишенную пороков нового общества.

Генри Уодсворт Лонгфелло еще в детстве в библиотеке отца зачитывался «Дон Кихотом», а свою романтическую драму «Испанский студент» (1843) построил на сюжете, заимствованном из новеллы Сервантеса «Цыганочка». Один из выдающихся поэтов американского романтизма, Вильям Келлен Брайент, незадолго до смерти посвятил Сервантесу свое стихотворение. Однако для Лонгфелло и Брайента испанский писатель был не столько великим мастером-реалистом, сколько источником испанских пословиц и поговорок. Фольклорное начало Сервантеса особенно привлекало Лонгфелло. В своем романе «Кавана» (1849) он постоянно обращается к народной мудрости «Дон Кихота».

Сервантес вызывал пристальный интерес и другого американского романтика – Натаниела Готорна. Существует даже мнение, что его знаменитый рассказ «Молодой Браун» (1835) написан

в какой-то мере под воздействием «Беседы собак» Сервантеса⁸. Знакомству Готорна с рассказами Сервантеса содействовал историк испанской литературы Дж. Тикнор. По совету Готорна его сестра переводила рассказы Сервантеса на английский язык.

Великий американский писатель Герман Мелвилл называет Дон Кихота среди трех наиболее оригинальных образов мировой литературы (Гамлет, Дон Кихот и Сатана Милтона)⁹. Образ Сервантеса и его бессмертного героя возникает на страницах рассказов и романов Мелвилла. В «Моби Дике» в главе «Рыцари и оруженосцы» Мелвилл прославляет руку, написавшую «Дон Кихота», – «чеканные листы чистейшего золота».

Иллюзорный мир Дон Кихота – это протест против испанской действительности. Донкихотство героев Мелвилла – Таджи в «Марди», Ахава в «Моби Дике» и Пьера в одноименном романе – это отрицание существующей действительности. Мысль о творческой близости Сервантеса и Мелвилла выражена в оставшемся неопубликованным при жизни писателя стихотворении «Ветхий человек» («The Rusty Man»). Уподобляясь Дон Кихоту, поэт в старости находит в рыцарских романах заповедь:

*Будь рыцарем бедных:
Умри, но будь честен*¹⁰.

Близкое себе восприятие образности «Дон Кихота» наблюдается в романтической литературе США. Сервантес стал как бы «собственностью» романтиков. Характерно, что обращение американских реалистов к «Дон Кихоту» происходит в тех произведениях, где с наибольшей силой сказывается романтическая линия в развитии критического реализма.

Среди немногих книг, которые любил перечитывать Марк Твен, был «Дон Кихот». Он обращался к Сервантесу как к реалисту, противопоставляя его «романтическому обману» Вальтера Скотта и Фенимора Купера. «Любопытный пример доброго или злого воздействия одной книги виден во влиянии “Дон Кихота” и влиянии “Айвенго”, – писал Марк Твен. – Первая смела с лица земли восхищение средневековой рыцарской чепухой, а вторая – воскресила это восхищение. Что же касается нашего Юга, то тут

благотворное влияние Сервантеса – только мертвая буква, настолько его подточили губительные сочинения Вальтера Скотта»¹¹.

В борьбе против романтической школы, которую вел Марк Твен, Сервантес был для него знаменосцем реализма, выступавшим против «ядовитого» воздействия книг английских и американских романтиков, которые Твен отождествлял до известной степени с рыцарской литературой, сведшей с ума бедного идаляго из Ламанчи¹².

Твен создал своего «Дон Кихота» в романе «Янки при дворе короля Артура». Герой книги Твена, как и Дон Кихот, живет в вымышленном мире грез. Как и у Сервантеса, у Твена под видом сатиры на рыцарство и условности рыцарской этики времен древнеанглийского короля Артура дана пародийная картина современного общества. Практичный янки Твена пытается модернизировать старое общество, которое Дон Кихот стремился, напротив, уберечь.

Творчество Марка Твена подтверждает общую закономерность романтического восприятия наследия Сервантеса в американской литературе. Будучи убежденным противником литературного романтизма, Твен тем не менее отдал дань романтизму в ряде лучших своих произведений – «Приключениях Гекльбери Финна» и особенно в «Приключениях Тома Сойера». Как раз в этих книгах постоянно ощущается творческое воздействие автора «Дон Кихота». Диалоги Тома и Гека иногда буквально совпадают с беседами Дон Кихота и Санчо. Художественная тональность отдельных глав книги о Геке Финне заключена в противопоставлении восторженно-романтическому мировосприятию Тома Сойера, зачитывающегося, подобно Дон Кихоту, приключенческими книгами, трезвого взгляда на вещи его приятеля Гека Финна. Недаром в подтверждение своих слов о «караване богатых арабов и испанских купцов с двумя сотнями слонов, шестью сотнями верблюдов и тысячей вьючных мулов, нагруженных алмазами», которые он собирается захватить, Том Сойер ссылается на «книжку, которая называется “Дон Кихот”».

Американский писатель-реалист Уильям Дин Хоуэлс оставил яркое описание того, как мальчиком на ферме в Огайо он был захвачен историей походов хитроумного идаляго. «Я считаю, – продолжает Хоуэлс, – что свободный и простой замысел романа,

когда событие следует за событием без сковывающих рамок интриги и все естественно вытекает из характеров и условий, есть высшая форма художественного произведения. И я думаю, что если у нас когда-нибудь будет великий американский роман, он должен быть создан в этом широком и благородном плане»¹³.

Хоуэлс считает, что Сервантес помог ему понять американских писателей, обращавшихся в своем творчестве к испанской теме, особенно Ирвинга. «Конечно, я не думаю, – продолжает Хоуэлс, – что очарование Ирвинга обязано своим происхождением главным образом Сервантесу и другим испанским писателям, неизвестным мне, или что он сложился под их влиянием в той же мере как под воздействием Гольдсмита. Я хочу лишь сказать, что чтение Сервантеса сыграло большую роль в моей симпатии к Ирвингу. Позже я понял это, как понял и то, что остается в Ирвинге ирвинговским – его природный, хотя в некоторой мере и незлобивый юмор, его природженное, хотя в некотором отношении и нарочитое изящество»¹⁴.

Обратимся теперь к Фолкнеру. В своих беседах со студентами и в интервью он трижды повторил, что каждый год вновь читает «Дон Кихота»: «Ежегодно я обычно перечитываю “Дон Кихота”. Раз в четыре-пять лет – “Моби Дика”. Перечитываю также “Мадам Бовари” и “Братьев Карамазовых”. К Ветхому завету я возвращаюсь каждые десять-пятнадцать лет. У меня есть полный Шекспир в одном томике, который ношу с собой и почти постоянно понемногу читаю. Почти каждый год я перечитываю что-нибудь из Диккенса или Конрада»¹⁵. При таком разнообразии чтения «Дон Кихот» стоит все-таки на первом месте.

Подтверждая студентам Виргинского университета в беседе 11 марта 1957 г., что из всей мировой литературы ему был особенно нужен «Дон Кихот», он снова назвал его первым среди своих «старых друзей». В интервью Джин Стайн в 1956 г. Фолкнер дал свое понимание проблемы Дон Кихота как выражение добра и зла. «Постоянный выбор между добром и злом делал Дон Кихот, однако лишь в своем иллюзорном мире, Дон Кихот – безумен. Когда же он сталкивается с реальной жизнью и пытается разобраться в людях, он совершенно не в состоянии отличить добра от зла. А люди живут в реальном мире, и все их силы уходят на то, чтоб просто жить»¹⁶.

Когда в беседе 13 мая 1957 г. Фолкнера спросили, чем его герои близки Дон Кихоту, он ответил: «Это вечная, печальная и комическая картина – Рыцарь, вышедший защищать человека, а тот не хочет, чтобы его защищали, да и не нуждается в его защите. Но это прекрасное свойство человеческой души. Я надеюсь, оно останется у человека. Это комично и немного грустно»¹⁷. Тогда же его спросили, не очень ли длинная книга его любимый «Дон Кихот». – «Не замечал», – кратко отвечал Фолкнер.

В своем последнем выступлении в американской военной академии Вест-Пойнт за месяц до смерти Фолкнер прямо сказал, что он видит Дон Кихота в себе: «Он неизменно вызывает у меня чувства восхищения, жалости и радости потому, что он – человек, прилагающий максимум усилий, чтобы этот дряхлеющий мир, в котором он вынужден жить, стал лучше. Его идеалы, по нашим фарисейским понятиям, представляются нелепыми. Однако я убежден – они не нелепы. Его способ их практического осуществления трагичен и комичен. Читая время от времени одну-две страницы романа, я вновь начинаю видеть в Дон Кихоте себя самого и мне хотелось бы думать, что я сам стал лучше. Благодаря “Дон Кихоту”»¹⁸.

Это было предсмертное признание писателя. «Ехегі monumentum», – мог бы сказать он вслед за Горацием.

«Дон Кихот» – это великолепная сказка о достоинстве человека. В конце романа Дон Кихот образумился, стал как все. Это огорчило меня уже при первом чтении. Как если бы в конце волшебной сказки говорилось, что вся она лишь выдумка.

* * *

У многих в жизни (необязательно Дон Кихотов) бывают Санчо Пансы. Такое счастье было в детстве, перед войной, и у меня, хотя тогда этого я не осознавал. Его звали Мишка. Он жил при старой усадьбе поэта Веневитинова на Дону вблизи Воронежа. Лето я проводил там с родителями – на биостанции Воронежского пединститута, где работал мой отец.

Мишка учился в сельской школе и не читал Сервантеса даже в детском кратком издании. Однажды при нем кто-то из взрослых произнес имя Дон Кихота. Мишка был любопытен и тут же спро-

сил: «Кто такой Ёнкин-Ход?» Так его с тех пор и прозвали любовно: Ёнкин-Ход.

Как верный Санчо Панса он сопровождал меня во всех похождениях по Дону, где невдалеке был большой остров, хотя и не Баратория, где губернаторствовал Санчо Панса. Мы оба считали себя хозяевами, хотя и не губернаторами этого острова с небольшим озерцом посередине, зарослями ежевики и гнездами птиц в чаще. Приплывали туда на лодке и проводили жаркие июльские дни в поисках всего необычного, сказочного на нашей земле. Вели даже записи событий, которые погибли в пожаре войны.

А однажды он спас мне жизнь как истинный Санчо Панса. В военные годы после окончания занятий в школе ребята моего класса отправились на речку купаться. Мишка был, как всегда, со мной. После того как все искупались, ребята сели на берегу, спиной к реке, откуда палило солнце, и стали играть в карты. Я же решил учить плавать Ваню Дровяникова. Попад на глубокое место, Ваня стал тонуть, судорожно цепляясь за меня. Я не мог крикнуть, захлебнувшись водой. Мишка сидел один на берегу и следил за мной, очевидно зная мои не слишком большие способности в плавании. Он сразу поднял ребят, они вытащили Ваню, и я смог выплыть.

В отличие от сервантесовского героя Мишка был большой выдумщик и фантазер на хитрые дела. Однажды он выпустил в пруд с подопытными мальками, гибриды которых разводил мой отец, пойманного в Дону небольшого щучонка. Осенью, когда спустили воду из пруда, чтобы забрать подросших рыбок, Мишка при мне незаметно выбросил щучонка в кусты, а мой отец потом никак не мог понять, почему у многих рыбок обгрызены морды и хвосты. Лишь много лет спустя рассказал я эту историю отцу.

«Ветряные мельницы» Мишки поражали подчас не только меня, но и взрослых. История его не интересовала, но его глубоко впечатлил рассказ о том, как Гамбетта в 1870 г. улетел на воздушном шаре из осажденного врагами Парижа. Он вспоминал об этом снова и снова. Известно, что Санчо как-то сказал о своем Дон Кихоте: «У меня, знать, этой самой придури еще побольше, чем у него» (2, X). В жизни роли иногда меняются. И в этом тоже одна из поучительных сторон бессмертной книги Сервантеса.

-
- ¹ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. – М., 1980. – Т. 5. – С. 332.
 - ² *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. – М., 1962. – Т. 1. – С. 472.
 - ³ *Пейн Т.* Избранные сочинения. – М., 1959. – С. 188.
 - ⁴ *Мигель де Сервантес Сааведра.* Собр. соч.: В 5 т. – М., 1961. – Т. 1. – С. 41.
 - ⁵ *Державин К.Н.* Сервантес. Жизнь и творчество. – М., 1958. – С. 198.
 - ⁶ *Ирвинг В.* Альгамбра. – М., 1979. – С. 34–35.
 - ⁷ *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. – Л., 1964. – С. 186.
 - ⁸ *Cherry F.N.* Sources of Hawthorne's «Young Goodman Brown» // *American Literature*. 1934. – Vol. 5. – N 4. – P. 342–348.
 - ⁹ *Melville H.* The Confidence-Man. His Masquerade. – N.Y., 1955. – P. 277.
 - ¹⁰ *Melville H.* Collected Poems / Ed. by H.P. Vincent. – Chicago, 1947. – P. 377.
 - ¹¹ *Твен М.* Собр. соч. – М., 1960. – Т. 4. – С. 541.
 - ¹² Интересные материалы об отношении Марка Твена к Сервантесу собраны в статье О. Мура «Марк Твен и “Дон Кихот”» (*PMLA*. 1922. June, vol. 37, № 2).
 - ¹³ *Howells W.D.* My Literary Passions. Criticism and Fiction. – N.Y., 1910. – P. 21.
 - ¹⁴ Там же. – С. 23.
 - ¹⁵ *Уильям Фолкнер.* Статьи, речи, интервью, письма. – М., 1985. – С. 159.
 - ¹⁶ Там же. – С. 241.
 - ¹⁷ Там же. – С. 320.
 - ¹⁸ Там же. – С. 382.